

НЕ ТОЛЬКО СКАЗКИ

Проза Юрия Магалифа

Ю. Магалиф. **Путешествие не окончится**: повесть / ил. Л. Груздева. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1962. – 92 с., ил.

Ю. Магалиф. **Внезапный дождь**: повесть; рассказы. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1968. – 184 с.

Ю. Магалиф. **Для всех и для тебя!**: повести. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975. – 208 с.

Ю. Магалиф. **Повести и рассказы**. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1978. – 320 с.

Разносторонне одаренный человек, Юрий Магалиф был не только превосходным сказочником, но и замечательным поэтом. А еще он писал повести и рассказы для взрослых читателей, с которыми я, по возможности коротко, и познакомлю вас в этой статье.

В целом проза Магалифа уступает и стихам, и сказкам, хотя в свое время она была достаточно известна. Сегодня же актуальность свою, пожалуй, утратила, за исключением нескольких небольших рассказов. Попробуем понять, почему она не пережила эпоху, в которую рождалась. Потому ли, что большая проза требует от автора большей решительности в постановке жгучих социальных вопросов? Потому ли, что уже в 70-х годах прошлого столетия на первый план литературного процесса выходит, так сказать, «песня протеста» – борьба с косностью власти, жестокими цензурными ограничениями, идеологическим насилием и чиновничьим бюрократизмом? Потому ли, что пострадавшему от властей в юности писателю не хватало мужества в его прямой речи? Потому ли, что подлинный гуманист, знаток человеческих характеров, тонкий лирик Юрий Магалиф вообще не склонен был к публицистической бескомпромиссности, свойственной подлинным лидерам русской советской прозы, таким, как Александр Солженицын,

Виктор Астафьев, Валентин Распутин? Или, может быть, потому, что сказка и лирика помешали, перекрыли автору путь в большую прозу?

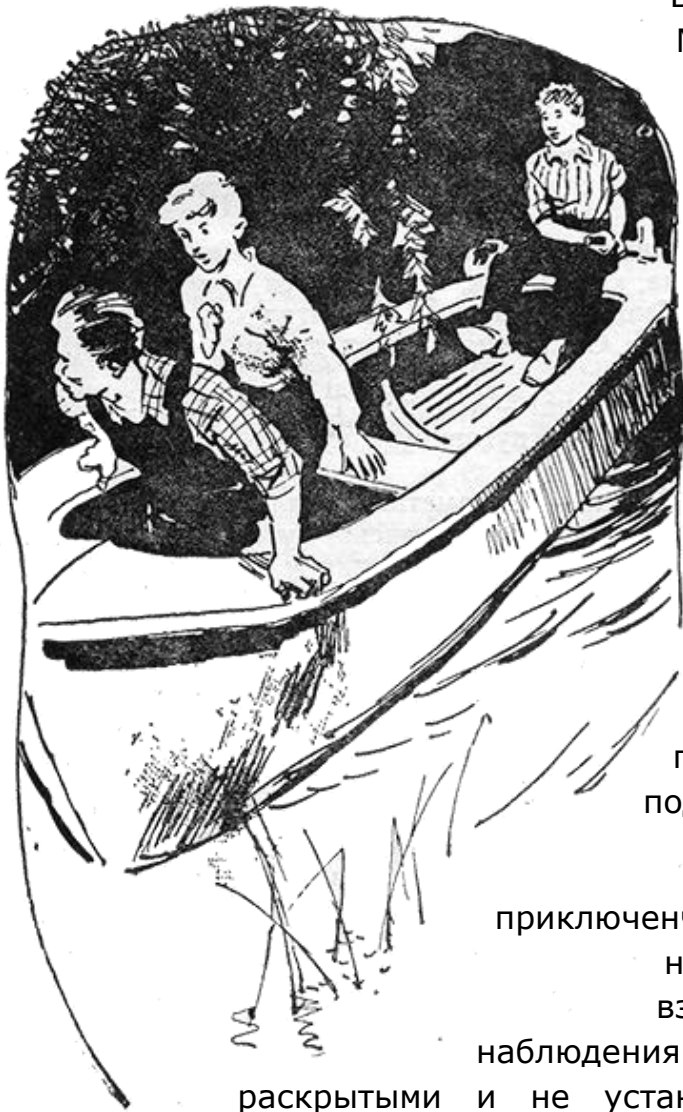
Вряд ли на все эти вопросы можно дать однозначные ответы. Попробуем – каждый для себя – решить их, перечитывая повести и рассказы Магалифа.

Кстати, сколько прозаических книг издал наш автор? Мне встретились четыре: три – для взрослого читателя и одна – для детей. Это – в хронологическом порядке – детская повесть «Путешествие не окончится» (1962); сборник «Внезапный дождь» (1968), в состав которого входят повесть «Документальное кино» и рассказы: «Лекция о Шостаковиче», «Человек под «потолком»», «Внезапный дождь»; сборник «Для всех и для тебя!» (1975), включающий три повести: «Что в сердце твоём?», «Продается изба» и «Для всех и для тебя!», наконец, по-видимому, итоговая книжка «Повести и рассказы» (1978), в которую входят повести «Продается изба», «Документальное кино», цикл «Караярские рассказы» и еще пять новелл. Еще отдельным изданием выходили «Караярские рассказы». По-видимому, я назвал все. Полной библиографии в сети нет, но от многолетней соседки писателя, Елены Юрьевны Цареградской, сохранившей почти все книжные издания с дарственными надписями, а также поздравительные открытки, написанные в стихах и прозе Юрием Михайловичем для нее и ее близких, я слышал, что в 60-е Магалиф часто печатался в журналах «Огонек» и «Сибирские огни». Возможно, какие-то журнальные публикации не дублировались в книжных изданиях, но подтвердить это предположение не могу. Будем ждать публикации полной библиографии, которая готовится новосибирскими библиографами к столетнему юбилею писателя, а пока ограничимся знакомством с прозой, представленной в этой статье.

«Путешествие не окончится» – типичная, в чем-то опирающаяся на творчество Гайдара, советская воспитательная проза для детей. То есть, совершенно бытовая история о том, как в одной хорошей новосибирской семье начались разлады между мамой и папой, вследствие того, что маме, геофизику по образованию, надоело



исполнять обязанности домохозяйки и захотелось, наконец-то, использовать свой научный и творческий потенциал на полную мощь. Тем более что сынок уже подросток. Папе же, известному в городе врачу, мамина тоска по приключениям и тяге к самореализации оказалась совсем не по сердцу. В итоге мама из дома сбежала – нет, не ушла, конечно, из семьи, но настояла на своем – и папа с десятилетним сыном временно остались вдвоем. И, спустя некоторое время, отправились на отдых в таежную деревню.



В таежных деревнях Юрий Михайлович Магалиф прожил многие лета, знал деревенскую жизнь превосходно, всем сердцем любил лес, реку, самый деревенский быт, хорошо разбирался в тонкостях человеческих отношений местных жителей, любовался этими простыми и в то же время такими разными людьми. Собственно, эта радость общения с простыми тружениками и была основной темой его «взрослой» прозы. И в этом плане «Путешествие...» примыкает именно к «взрослой» прозе Магалифа, хотя предназначалась для детского и подросткового чтения.

В повести есть, разумеется, и приключенческий сюжет, точнее – его зачатки, но, по сути, история эта – о взрослении ребенка посредством наблюдения за взрослыми. Перед его широко раскрытыми и не устающими удивляться безграничному богатству бытия глазами в калейдоскопическом порядке проходят разные типы, непохожие люди – хорошие и не очень хорошие, добрые и не очень добрые, отзывчивые и себе на уме. Ему, городскому мальчишке, открывается вселенский простор заповедного мира таежной природы и человеческий мир – с его ограниченностью и безграничным разнообразием. Люди, может, и делятся на хороших и плохих, но на самом деле они не плохие и не хорошие, а сложные, как сложен этот мир. Потому что один и тот же человек в разных обстоятельствах может оказаться и

хорошим, и плохим, и правым и неправым. Кто прав в горьковском «На дне» – вспомним школьную программу – Лука или Сатин?

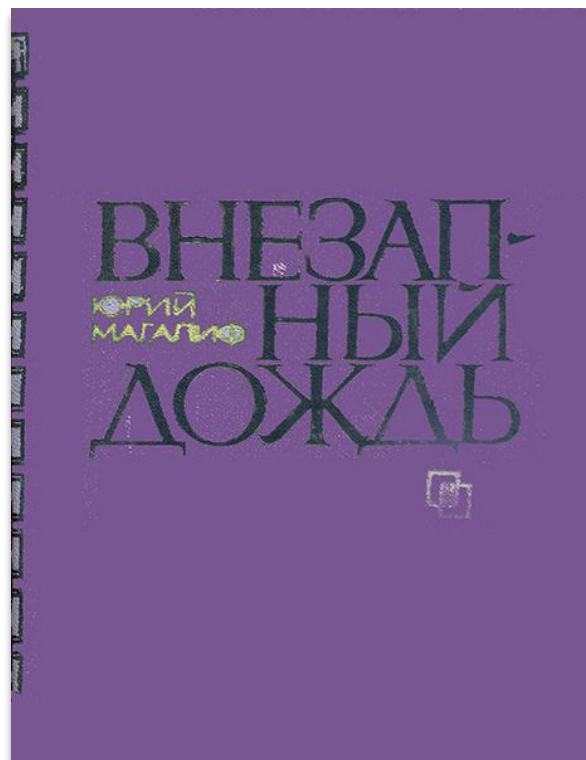
Лука, кстати сказать, есть в повести Магалифа – этаким себе на уме старичок на пароходе, на котором путешественники возвращаются домой, нет-нет, да и задающий каверзный вопрос. Есть и Сатин, точнее – много Сатиных. И то: ведь именно Сатины победили полвека назад и, стало быть, укоренились в этой жизни и литературе.

Надо полагать, литературная родословная магалифовской повести богаче, отсылает не только к Горькому и Гайдару, однако прочие отсылки проследить затруднительно – от ледяной горы советской литературы сегодня на плаву осталась лишь небольшая верхушка айсберга.

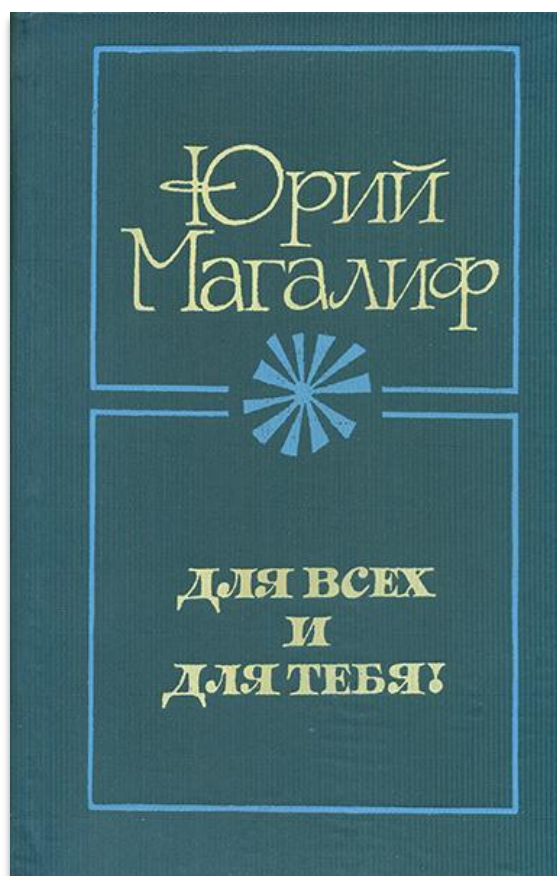


Ну, а финал «Путешествия...», которое не кончается, пока не кончится сама жизнь, ибо жизнь и есть путешествие, разумеется, вполне оптимистичен: и плохие наказаны, и хорошие победили, и родители героя вот-вот воссоединятся – в новом доме, на новом месте, недалеко от города и похожем на те заповедные места, где мальчик начал становиться мужчиной, где всех ждет радостный труд на благо народа, к которому принадлежишь, и страны, которую любишь. Как сказал бы Сережа Веры Пановой – третьего отчетливого литературного ориентира этой истории Юрия Магалифа: «Мы едем в Холмогоры. Какое счастье!».

Второй по хронологии сборник «**Внезапный дождь**» мы просто упоминаем, подробно не рассматривая, поскольку входящие в его состав повесть и рассказы, кроме «Человека под «потолком»», повторяются в других книгах Магалифа, и мы обратимся к текстам позднее.



Сборник **«Для всех и для тебя!»** включает три повести, действие которых происходит отчасти в Новосибирске, но в основном в таежном Юрт-Акбалыке. Первая повесть **«Что в сердце твоём?»** – типичная «проблемная» советская вещь, то есть книга, основная проблема которой сегодня кажется надуманной, вследствие чего и вся вещь, в принципе – то, хорошо написанная, динамичная, радующая яркими характерами и ненавязчивыми, точными описаниями природы, по окончании чтения оставляет читателя в некотором недоумении: а зачем все это было? А было это затем, что церковь в Советском Союзе преследовалась с неослабевающим напором более полувека, и ее развенчание входило в число основных задач литературы.



Случай Юрия Магалифа и повесть Юрия Магалифа – одна из типичных страниц в нашей словесности XX века. Стоит перечитать его стихи советского и постсоветского периода, в которых так или иначе затрагивается религия – и перед вами предстанет привычный портрет советского литератора, о церкви большую часть жизни отзывающегося неодобрительно, и лишь в 90-е, в старости, вспоминая о Боге. Это понятно. Простительно ли? Судить не нам, а Высшему суду.

В повести же рассказывается история «извлечения» не до конца убежденного в вере деревенского батюшки из религиозных пут, ведь «Религия – опиум для народа», как утверждал первый вождь советского народа. Могло ли такое быть в реальности, а не в литературе? Вероятно, могло, но вот в повести Магалифа прозвучало не слишком убедительно. Может быть, потому, что небольшой объем текста не позволил автору раскопать психологию героев до корней. Может быть, потому что автор не был убежденным атеистом, а равно и глубоко верующим человеком. Может быть, и потому что ему помешала цензура или самоцензура – надсмотрщик еще более жестокий.

Прочие персонажи повести выглядят убедительнее, как это, кстати, было и в «антирелигиозных» повестях Владимира Тендрякова, на которые ориентировался, да и не мог не ориентироваться Юрий Магалиф, ибо Тендряков был подлинным классиком советской литературы.

Повесть или, скорее, большой рассказ «**Для всех и для тебя!**» – бытовая история о молодых строителях коммунизма, в ряды которых затесался – нет, не враг и не вредитель, конечно, – те времена к 60-м уже миновали, – а просто приспособленец: только что вернувшийся из армии молодой фотограф, покоровший сердце настоящей «комсомолки, студентки, спортсменки», как характеризовалась героиня «Кавказской пленницы» Леонида Гайдая. В общем, история такова: в Юрт–Акбалыке не щадя сил и здоровья трудятся хорошие люди, строят коммунизм, который новый лидер, Никита Сергеевич Хрущёв, пообещал советскому народу достичь к 1980 году. Среди молодых ребят выделяется славная девушка–активистка, по имени Виктория, к которой приглядываются, а то и сватаются славные ребята. Ее же сердце выбирает упомянутого уже молодого фотографа Костю Зарубина. Старики не доверяют речистому парню – и, как выясняется в дальнейшем, правильно. Герои, уже в качестве жениха и невесты, едут в Новосибирск, к брату Виктории, чтобы приодеться к свадьбе. Все вроде замечательно, но вдруг в одночасье Костя исчезает. Виктория мечется по городу, обзванивает и обходит милицию, больницы, морги. Парень как в воду канул. Сердце девушки разбито, покоя нет. Вернувшись в Юрт–Акбалык, она, закаменев от горя, живет уже только работой. Наконец, появляется Костя, который, оказывается, встретил в Новосибирске армейского приятеля – охотника, с которым и махнул в тайгу, дабы пострелять зверя и всласть пощелкать фотокамерой, ведь в самой Москве его снимки с одобрением принимают редакторы газет и журналов. А карьера столичного фотокорра – это вам не вождение грузовика по непролазной грязи таежной сибирской деревни!..

Финал новеллы открытый: «Вспоминает ли она Костю? Конечно. Но, вспоминая, уже ни о чем не жалеет, ни в чем не раскаивается.

А где сейчас Зарубин? Что делает?.. Не могу сказать. Не знаю. В газетах и журналах его фамилия среди фотокорреспондентов что–то не попадается. Быть может, он заменил ее на какую–либо иную?.. Вряд ли. Фамилия у него звучная, красивая. А что до Виктории, то ведь Костя вовсе не считает себя виноватым перед нею, и ему будет приятно, если его фамилия встретится ей...»

Финал, повторим, открытый – жизнь продолжается, пусть иллюзии и утрачены, однако все акценты автором расставлены, вещь завершена, плохое само себя наказало, хорошее же... В принципе, все верно: хороший человек дарит счастье другим людям, а сам счастлив бывает редко. Так, по крайней мере, почти всегда было в советской литературе. Так, в общем, и остается – канули в Лету лишь реалии 60–х. Поэтому, думается, рассказ Юрия Магалифа «Для всех и для тебя!» сегодня почти не устарел, пусть по

реалиям и воспринимается как исторический. Он дарит читателю знакомство с еще одной русской женщиной, чья судьба типична и горька, как судьбы всех русских женщин, рассказанные писателями XIX и XX столетий, начиная карамзинской «Бедной Лизой» и кончая героинями распутинской повести «Мать Ивана, дочь Ивана».

Наиболее значительной вещью сборника является, по мнению советских критиков той эпохи, повесть «Продается изба». Л. Баландин, в предисловии к сборнику Юрия Магалифа «Повести и рассказы» прямо заявляет о том, что она – «...безусловно, лучшая из написанного Магалифом для взрослого читателя». И продолжает: «Эта повесть о великом человеческом искусстве – искусстве жить, найти свое место в жизни, повесть об уходящих поколениях сельских жителей, об идущих им на смену молодых...». В принципе, да, я согласен с баландинским определением основной тематики повести, добавляю только, что и все «взрослые» вещи Магалифа – об искусстве жить и о поисках своего места в жизни. Да ведь и «не взрослые», даже сказки – о том же. Не согласен – разумеется, уже с позиции, определяемой нашим временем, – с тем, что «Продается изба» – лучшая повесть «взрослого» Магалифа. Как потому, что история эта, по существу, повествующая о начале вымирания русской деревни – недостаточно решительна, в сравнении с ранними повестями Валентина Распутина, с астафьевскими «деревенскими» рассказами, с «Матрениным двором» Солженицына, так и потому, что хэппи-энд здесь кажется неуместным, смазывает всю картину, не убеждает читателя, и в те времена догадывавшегося о том, что в реальности все совсем не так, а сегодня и просто знающего, какова была участь этих любезных сердцу автора деревень и судьба его героев. О последней же рассказал настоящую правду другой сибирский писатель – Василий Шукшин.



Что же до магалифовской повести, она несовершенна, как мне кажется, еще и потому, что в жанровом смысле балансирует между повестью и рассказом: для первой она недостаточно обширна – во всех смыслах, для второго – недостаточно заострена на главном. Главное же в ней –

конфликт старого и нового, отцов и детей, традиции и новации, то есть – в нашей жизни 60-х – между городом и деревней, о смычке которых так долго твердили большевики, а в реальности происходила никакая не смычка, а поглощение, даже пожирание городом деревни, насильственное превращение аграрной страны в индустриальную, уничтожение основной массы тружеников, ведь и трудился–то русский народ спокон веку в основном не у станков, а на полях, с сошками да с вилами. И этот крестьянский труд настолько тяжелее, нескончаемее, безысходнее труда рабочего и уж тем более служащего, что тех, кого город пожрать не сумел, он соблазнил. Вот об этом – о деревенской истине и городском соблазне и рассказывает повесть Юрия Магалифа. Рассказывает интересно, даже ярко, но, как уже говорилось, недостаточно решительно, то есть типично для магалифовской «деревенской» прозы.

Я вовсе не пытаюсь сейчас давать окончательную оценку повестям Юрия Михайловича: слишком мало исторического времени прошло, и кто знает, не окажется ли в будущем «деревенская» проза вновь актуальной. Читаются эти вещи без труда, отложить их «в долгий ящик» желания не возникает, что уже само за себя говорит! Я лишь о том, чего мне – как читателю – в этой прозе недостает.

И в этом смысле повесть «Документальное кино» и особенно ряд рассказов Магалифа кажутся мне более интересными, нежели те вещи, о которых я уже сказал.

«Документальное кино» – городская, «новосибирская», повесть. История о том, как молодой, но уже успевший добиться известности режиссер, работавший на телевидении, по ряду причин приглашается кинематографистами для того, чтобы снять документальный фильм о фестивале искусств. У него нет ни плана, ни знания специфики, ни сценария, впрочем, на этот счет он особо и не беспокоится, хотя фестиваль начинается завтра... Из самой завязки уже понятно, что его ждет фиаско, необходимое для того, чтобы успешный и недурной, в общем, молодой человек радикально пересмотрел свои взгляды на жизнь и работу. Это, конечно, и происходит. Но повесть хороша вовсе не потому, что четко держится в русле советской «воспитательно–перевоспитательной» прозы. Хороша она потому, что внутри этих привычных рамок рассказывается глубокая и интересная история людей искусства – и городских, и деревенских. Здесь и самодеятельные артисты – эдакие бурановские бабушки тех времен, и городские знаменитости – певицы, музыканты, режиссеры, операторы, и люди, живущие с артистами рядом. Каждый из персонажей дан писателем ярко и выпукло, даже если его роль в повести

эпизодична. Здесь же и партийные, и советские работники, во всем их разнообразии, ведь они, помимо социальной роли, еще и просто люди.

«Документальное кино» – вещь одновременно и лирическая, и ироничная, и педагогическая, и, если угодно, почти документальная, ведь, вне всякого сомнения, за каждым из персонажей, прячется вполне реальный человек, артист или представитель околосценической среды, разумеется, автором «подправленный», а зачастую и типизированный.

Завидую первым читателям этой повести, несомненно, видевшим и слышавшим тех реальных артистов, которые стали прототипами магалифовских героев, ведь, если и сегодня эта его вещь совсем не устарела, то насколько же занимательней звучала она тогда, когда все ее герои были не просто нашими земляками, но в буквальном смысле соседями!

В своей книге критик Юрий Мостков подробно разобрал «Документальное кино», но, к сожалению, о прототипах не сказал ни слова. В остальном же разбор его точен, и я, во многом соглашаясь с ним, не стану здесь повторяться, отметив только особенно удавшиеся писателю образы двух героинь–антагонисток, их противостояние и, так сказать, человечность – в том смысле, что в каждой из них мы встречаем и добро, и зло, и, главное, те черты, что особенно характеризуют людей искусства, с их необыкновенной работоспособностью и страстью самовыражения во что бы то ни стало, требующими жертв не только от них самих, но и от их близких.

Разбирая повесть, Мостков очень коротко, почти что в скобках, упоминает Владимира Тендрякова, с чьими книгами литературная связь магалифовских повестей очевидна. Добавлю еще менее уловимую, но для меня несомненную связь того же «Документального кино» и с городскими повестями Юрия Трифонова.

Проблематику «Документального кино» продолжает, или, вернее, предваряет маленький рассказ «**Человек под «потолком»**», вошедший в сборник «Внезапный дождь», – о жизни и смерти успешного концертного администратора, плодотворно работавшего с артистами цирка, устраивавшего им выступления в многочисленных деревнях и райцентрах. Судьба человека дана на фоне судьбы страны, явлена их тесная связь и взаимозависимость, а кроме того – и это особенно важно как еще одна вариация, пожалуй, самой главной темы «взрослой» прозы Юрия Магалифа – «нераздельность и неслиянность» города и деревни. Рассказ трагический, как и судьба маленьких российских городков и особенно

деревень, как, добавлю, и судьба «маленького» человека в большой русской литературе.

«**Караярские рассказы**» – особенно яркий по обилию этнографических подробностей, разнообразных живых характеров цикл коротких и емких «татарских» историй о жителях таежной деревни может показаться современному молодому читателю экзотическим, но люди старшего поколения воспринимали его иначе – как бытовые трагикомические новеллы шолоховской и шишковской школы.

А один из самых ярких рассказов, «**Человек, грузовик и лошадка**», с одной стороны, тоже как бы шолоховский, но с другой – совершенно шукшинский: ироничный и грустный, и с такими же героями–«чудиками», какими пестрят шукшинские новеллы.

Близок к ним по внутренней ироничности рассказ «**Лекция о Шостаковиче**», как бы тематически роднящий Магалифа с Булатом Окуджавой, с его рассказом «Частная жизнь Александра Пушкина».

История же, рассказанная в новелле «**Книга**», возвращает нас к ленинградской юности писателя, к предвоенной и военной поре, к интересам творческой столичной молодежи, и вписывается уже в «ленинградский» текст русской литературы, сближая голос новосибирского автора, пожалуй, с каверинской интонацией.

Самый яркий, по-моему, из лирических рассказов Магалифа называется «**Внезапный дождь**». Он как бы продолжает тематику повести «Путешествие не окончится» и повествует о городском мальчике, ожидающем на лугу папу, задержавшегося на полевом стане. Внезапно яркий летний день затушевывается грозовыми тучам, и мальчик опрометью бежит по проселочной дороге к людям, туда, где должен быть его отец. Но тот в это время помогает другой бригаде, и до нитки промокший и замерзший ребенок попадает в добрые руки совершенно незнакомых и с виду грубоватых людей. Эти руки и обсушивают мальчонку, и кормят его теми простыми запасами, что взяли с собой комбайнеры и трактористы на перекус. А потом, в благодарность, мальчик, до того не очень-то любивший учиться в музыкальной школе и не слишком хорошо играющий на аккордеоне, устраивает для работяг настоящий концерт, исполняя и то, что выучил в школе, и то, что просят слушатели. И происходит маленькое чудо – все у него получается, ведь подаренная окружающим радость оказывается и для самого дарителя истинным подарком.

Последний рассказ, о котором необходимо сказать несколько слов, – «**Истинная история медвежонка Мишеньки**». Это почти документ, почти мемуар, повествующий об истории создания самой популярной книжки Юрия Магалифа – сказки «Приключения Жакони». Тряпичная обезьянка, принадлежавшая жене Юрия Михайловича, заменена здесь тряпичным же медвежонком, принадлежащим лирическому герою новеллы. Все же остальное: и судьба автора, и судьба игрушки, и даже судьба страны – по-видимому, совершенно правдиво. Этот рассказ очень удачен, сделан большим мастером и подлинным художником слова, ведь в восемь книжных страничек писатель уместил живую и долгую историю двух жизней – человека и игрушки, не будь которой, может быть, и человек вырос бы совсем другим.

Если самая главная тема прозы Юрия Магалифа – «горожанин в деревне», то сверхзадача его прозаического творчества – несомненно, рождение, развитие и своеобразие, то есть, с одной стороны, непохожесть на других, а с другой – вписанность в общество, самого человека, доброго или не очень, умного или не слишком... Обычного человека, «маленького» в большом социуме и большого в крохотной деревушке. И медвежонок Мишенька, а равно и обезьянка Жаконя – тоже люди, и те же люди – и обычные, и на других непохожие. В тех же больших и крохотных социумах – городах, деревнях, квартирах.

Все эти качества ярче всего проявлены писателем в коротких рассказах, по преимуществу лирических, но нередко и ироничных, и трагических, и трагикомических. Могу предположить, что к малому эпическому жанру подготовила и привела Юрия Магалифа поэзия – его главная творческая ипостась. По преимуществу он был лириком, даже в прозе, что особенно ярко проявляется в его сказках, а лучше всего из собственно поэтических жанров ему удавались лирико-трагические новеллы в стихах. Но подробнее о Магалифе-поэте я расскажу в следующей статье о творческом пути новосибирского ленинградца, которая и завершит эти мои запоздалые «магалифовские чтения».

Виктор Распопин

<http://raspopin.den-za-dnem.ru/>